

ПРИВАДЕНИЕ

КЪ ХАРЬКОВСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

N. 31.

I. ИЗВѢСТИЯ.

1.) Съѣдѣніе о харьковской губерніи.

(Продолженіе.)

✓ Одежда.

Одежда, всѣхъ вообще жителей губерніи, прошівъ первоначального, совер-
шенно измѣнилась. Мужчины, служившіе
въ полкахъ, имѣли плащъ казацкое или
національное малороссійское: широкіе
шаровары, полукафтанье, подпоясанное
по талии поясомъ, сверху черкеска съ
откидными рукавами, шапка высокая
изъ бараныхъ смушковъ съ суконнымъ
цвѣтымъ верхомъ, за поясомъ на цѣ-
почкѣ ножъ, и при поясѣ же, на пор-
шунѣ, кривая сабля, опоясуваемая толь-
ко въ походѣ или и на мѣсѣ предъ
собравшимся полкомъ. Полковники и
сваршники, по состоянію и вкусу сво-
ему, окладывали черкески галунами или
снурками по боршу, а также иногда и
мѣхомъ. На поршрепахъ первоначаль-
ныхъ полковниковъ, видимъ еще, сверхъ-
всего, накинутую суконную маншю, съ
аграфомъ или пряжкою на груди, изъ
драгоценныхъ камней; но какъ въ руѣ
его видимъ также пернаѣ, знакъ его
достоинства, то и подагашь должно,
что сія маншю вздѣваема имъ была

только предъ полкомъ или въ большой
парадѣ, для оспічія ошъ всѣхъ подчи-
ненныхъ ему. Съ переформированіемъ
казаковъ въ гусары, измѣнились въ пол-
кахъ мундиры, а молодые дворянѣ, по
склонности своей къ военной службѣ,
не попавъ въ гусарскіе свои полки,
опредѣлялись въ армію, и выходя въ оп-
шавку, не обращались къ первоначаль-
ной своей одеждѣ, которая сходствов-
ала съ служащими чиновниками, кромѣ
сабли и, можетъ быть, цвѣща, а прини-
мали общеупотребляемую одежду и
продолжали слѣдовашь обычаю въ ней
до сего времени.

Въ прошломъ народѣ мужчины сохра-
нили прежнее одѣяніе: суконная свита
или зипунъ, безъ перемѣны, до сего
времени, исключая живущихъ въ Харь-
ковѣ и вышедшихъ, по состоянію сво-
ему, въ купцы или мѣщане. Первые,
шогда же надѣвающъ сюршукъ, жилеты,
вруглую шляпу, и въ домашней жизни
сшаряються приспособляясь къ шому
состоянію, въ которое они вновь вспу-
тили. Мѣщане же, вздѣваютъ плисовое
полукафтанье, оспічный поясъ и сверху
носящъ ту же свиту, но уже доброго
сукна, темнаго цвѣща, и не поднося-
вающъ ее.

Какъ мужчины высшаго сословія но-
сили національную одежду, такъ равно

жены ихъ и дочери сохраняли долго ее. Жены полковниковъ и спаршинъ носили шакъ называемый кунтушъ изъ штофа, парчи, люстрина, обояри, гравишуро и другихъ плотныхъ машерий, по состоянію и вкусу каждой. Покрой кунтуща былъ, на подобіе шакъ называвшихся русскихъ шубокъ; шалія и рукава въ обшняжку, безъ всякихъ сборокъ, только назади въ шаліи были маленькия сборы, покрывавшія сверху широкимъ, золотымъ или серебренымъ гасомъ. Кунтушъ этошъ имѣлъ лежачій воротникъ, на груди откидные клапаны, а на рукавахъ шакіе же обшлага, чѣмъ все должно было бытъ изъ богатѣйшей и оспличнаго цвѣта матеріи, нежели кунтушъ. На груди онъ былъ открыты и только на шаліи схватывался, пола на полу, крючкомъ, безъ всяаго пояса. На груди виденъ былъ парчевый, или другой какой, корсепъ, подъ душу; полы были распашные и видна была юбка, называвшаяся спидницею, богатѣйшей предъ прочимъ парчи или матеріи и по ней сверху, на переди запаска (передникъ), яркаго цвѣта матеріи. Башмаки вообще красные, сафьянныя на коркахъ или высокихъ володочкахъ; на шеѣ, чѣмъ болѣе нитокъ красныхъ, крупныхъ коралловъ, янтарей, гранатъ, жемчугу, перенизанныхъ свернутыми въ трубку голландскими червонцами и еще особо, на черной бархашкѣ, висящихъ золотыхъ или серебреныхъ крестиковъ, медалей (еднусовъ) и тому подобныхъ украсеній; чѣмъ считалось нарядище. Головные уборы были различны: спарушки но-

сили особаго рода шапочки, темныхъ цвѣтовъ и, по времени, съ мѣхомъ; молодыя же и франтихи носили кораблики, шапочки изъ чорнаго бархата, съ маленькими напусками, для прикрытия верхушки ушей и двумя, на переди и назади, рожками. Верхушка кораблика и подзапыльникъ были или изъ богатой парчи, или вышивались блестками, канишелью, цвѣтными фольгами и т. п. Другой уборъ былъ, называемый отипокъ, только по головѣ шапочка, безъ рожковъ, изъ золотой парчи и по борту обложенъ гасомъ. Дѣвушки высшаго сословія носили кунтуши со всѣми принадлежностями, только на головѣ положены были, по лбу, золотыя и серебренныя сѣпи, гасы, позументы яркихъ цвѣтовъ, пестрые и съ букетами, широкія ленты въ иѣсколько рядовъ, одна сверхъ другой, и съ длинными опь всѣхъ концами, назади высящими, вмѣстѣ съ длинными (что починалось красою), косами, искусно заплетенными и паяже съ длинными, яркими, вплетенными лентами, мѣлко сплещенными ко- сичками (дрибушки), покладались на голову вѣнкомъ и сверху, по времени, украшались цвѣтами. Домашній уборъ дѣвушекъ былъ: корсепъ длинный (называемый юбка) безъ рукавовъ, при обыкновенной юбкѣ и запаскѣ, изъ зашорыхъ видна была рубашка внизу, и рукава коей, пышные, кисейные, мешкалевые и т. п. вышивы были золотомъ, серебромъ, цвѣтными нитками, все смотря по доспашку родишелей. Голова и шея убирались шакже, но

вещи къ тому употреблялись уже не такъ цѣнныя, какъ въ большой нарядъ. Плашъя, бывъ изъ богатѣйшихъ парчей и другихъ прочныхъ машерій, переходили отъ матери къ дочери, внукамъ и далѣе, во всей цѣлости и въ неизмѣнности фасона. Теперь въ церквяхъ помѣщичьихъ селеній, много есть нарядныхъ ризъ и другихъ церковныхъ украшеній, изъ прежнихъ плашьевъ пропрабабушекъ нашихъ. Опцы семействъ, бывъ въ военной службѣ и примѣшившись къ общимъ обычаямъ, возвращаясь въ дома, требовали отъ женъ и дочерей своихъ преобразованія въ одѣждѣ, сходно съ общимъ обычаемъ; а съ открытиемъ намѣстничества, рѣшилось, что уже все женщины, безъ исключенія, принадли и подражаютъ въ одѣдахъ и уборахъ своихъ, употребляемому петербургскимъ высшимъ обществомъ.

(Окончавшее слѣдуетъ.)

2.) Историко-статистический обзоръ Коренной ярмарки.

(Продолженіе.)

Настаетъ великденный день — 9-й пасхы, раздается усладительный призывъ къ обѣди, и весь народъ въ движеньи! Каждый спѣшишь занять мѣсто, съ котораго могъ бы узрѣть святой ликъ Богомашери и сопутствовани ей въ шествіи въ пустынь. Наконецъ по отслуженіи литургіи и молебствія, появляются хоругви и кіопы, богато украшенные, съ огромными фонарами предстающие отъ каждого цѣха го-

рода. Народъ произноситъ моленіе; хоръ пѣвчихъ возноситъ хвалы Господу Богу; со всѣхъ споронъ раздаётся звонъ колоколовъ и преосвященный епископъ епархиальный, предшествуемый монашесшими и бѣлымъ духовенствомъ, выноситъ Икону изъ Знаменской при архіерейскомъ домѣ церкви, донеся ея до средины красной площади, онъ осѣняетъ ею правовѣрный народъ и попомъ передаетъ въ руки начальника губерніи и другихъ спаршихъ чиновниковъ, кошорые доносятъ ее до градскаго Воскресенскаго собора. Здѣсь принимаетъ ее архимандритъ Кореннаго монастыря и устанавливаетъ въ особый богатый кіотъ; чиновники и купечество удерживають его на рукахъ, и вся процессія двигается въ Москійскимъ ворошамъ, по пути къ Коренной ярмаркѣ. Эти великолѣпно украшенные кіоты и впереди ихъ красиво развѣвающіяся хоругви, пылающіе неизчислимые огни въ специальныхъ огромныхъ фонаряхъ, масса поводониковъ, около 120 ш., всѣхъ сословій, половъ и возрастовъ, въ праздничныхъ своихъ нарядахъ, съ поднятыми вверхъ посохами, имѣющими на себя уставные значки каждого селенія и семейства (дабы неподстерять другъ друга изъ виду), огромные обозы помѣщичьихъ экипажей и крестьянскихъ повозокъ, поля прилегающія къ дорогѣ, уставлены ожидающими шествія, толпы поселенъ бѣгущихъ изъ окрестныхъ селеній на всѣрѣчу Иконѣ — все это сошавляетъ живописную въ своемъ родѣ картина. Трудно представить себѣ что либо оригинальнѣе и возвышенѣе!

Издали не видно ни Иконы, ни народа, одни пыльные столбы волнующиеся по горизонту, и только во временамъ мелькающъ хоругви, огни въ фонаряхъ и позолоченный киотъ Образа Удивительное благоговѣніе и шишина царствующа во время шествія, лишь слышень гулъ шаговъ идущаго народа, занимающаго, по-крайней мѣрѣ, наши-вершное пространство; лишь изрѣдка отзывающаяся сопровождающіе Икону гимны, прерываемые громкими восхищаніями народа, падающаго большими толпами съ поднятыми руками въ небо.

Почти вся сія огромная масса народа, съ присоединившимися толпами окрестныхъ поселенъ, сопутствующа Икону до самой пустыни. Ни зной лѣтняго жара, ни проливные дожди, ни чюю не въ слахъ удержать богоильцевъ; всякий спремишся сподобимсья счастія пронести хотя нѣсколько сажень Чудотворную Икону.—Такимъ образомъ процесія, послѣ кратковременнаго отдохнѣнія въ с. Каменевѣ лежащемъ почти на половинѣ дороги отъ Курска въ Коренной, въ 6 или 7 часамъ по полудни достигаетъ ярмарки. Здѣсь духовенство Коренной пустыни, съѣхавшееся гупечество и поселяне приближенныхъ деревень встрѣчающъ Икону у заставы,—дворянство же съ полудня располагается въ обширныхъ галереяхъ гостинного двора. Архимандрішъ, принявъ Икону отъ народа, вынимаетъ ее изъ киота и передаетъ начальнику губерніи и губернскому предводителю дворянства, которые несутъ ону въ амвону, сооруженному на главной Ко-

ренской площади, прошивъ гостинного двора и шамъ принимаетъ ее отъ нихъ преосвященный. Въ эту минуту внося Иконы на площадь, народъ спремишся къ колоколамъ, привезеннымъ для продажи и во множествѣ развѣшанныхъ на площади, и производиша торжественный звонъ, кошорой вдругъ утихаешь когда начинаешься молебствіе Пресвятої Богородицѣ о здравіи Императорской Фамиліи и всего православнаго россійскаго воинства и народа.

Эта процесія, переносящая насъ во времена пребыванія Богочеловѣка на землѣ, когда сотни тысячъ спремились за Спасителемъ, чтобы услышать святое слово изъ устъ его, изумляешь и поражаешь чушша. Въ ней сполько высокаго, религіознаго, сполько жизни, сполько восхорговъ безмежныхъ и испинно духовныхъ, что при возарбніи сполько на сію величественную каршину можно постигнуть сколько вѣра Русскихъ тверда и неволовѣбима. Подобно видѣть усердіе эшаго испинно православнаго народа, когда по окончаніи шествія въ Коренной Пустынѣ Прощодіаконъ провозглашаетъ многоѣтнѣе Великому Государю и Августѣшему Дому Его, а Преосвященный въ полномъ облаченіи на амвонѣ осѣняетъ Плоною богоильцевъ; надобно видѣть благоговѣнійный восхоргъ въ многолюднѣшемъ спеченіи народа разныхъ возрастовъ и состояній, одушевленныхъ однимъ чувствомъ вѣры и сопствавлюющихъ одноцѣловое, одну нравственную силу, основанную на чистой, святой вѣрѣ и без-

предъявленной преданности и любви къ
своему ГОСУДАРЮ.

Эта процессия заслуживаетъ внимания наблюдателя столько же въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ сколько и въ религіозномъ: ового полупораста тысячи народа спекающи въ безлюдную пустыню безъ всякихъ видовъ и паспортовъ, и не взирая на то, что въ числѣ ихъ вѣрою ^{ко} шелько сославающи богатые дворяне и промышленники, съ капиталомъ, въ разныхъ видахъ, отъ 50 до 60 миллионовъ рублей, оспальные же всѣ немимущи поселяне и другихъ низкихъ словесъ бѣдные люди, не взирая на то, что вся охранная спраха ярмарки сошлись изъ 100 человѣкъ инвалидной и полицейской командъ, иѣть примѣра важнаго уголовнаго преступленія.— Эшоъ фактъ характеризуетъ въ полной мѣрѣ русскаго; онъ можешьъ неопровержимо доказать неспособность всѣхъ неблагонамѣреныхъ разглашеній вѣковыхъ иностранныцевъ насчетъ нравственности русскаго народа. Въ процессии сей и въ чувствахъ народа, сопровождающихъ ону, отражается также сила и могущество Россіи. Она являетъ причину постоянныхъ неудачъ зависливыхъ ея враговъ, неоднократно покушавшихся на ея святыни и жилища.

По окончаніи молебствія, преосвященный провожаетъ Икону съ пріемъ гимнѣвъ и моленіемъ во храмъ пустыни, построенный во имя Богоматери, живоноснаго ея исочника, на шомъ

самомъ мѣстѣ, гдѣ обрѣшена Икона (*); всѣ тѣснящія къ чудотворной Иконѣ, чтобы удошившись приложиши къ святыму лицу Заслушницы своей, и испить изъ живоноснаго исочника. Но едва наступаешь ушро другаго дня, какъ все приходишь въ движение: первый выѣздъ, первый долгъ ешь поклоненіе святой Иконѣ, потомъ наступающи радостныя свиданія съ близкими сердцу, далѣ визиты, приличія, и наконецъ гостинный дворъ.

Трудно вообразить себѣ каршину болѣе разнобразную! Весь гостинный дворъ сославающи обширный параллограмъ, пересекаемый въ разныхъ мѣстахъ подъ прямымъ угломъ линіями, образующими широкія красивыя галереи, освѣщенныя сверху боковымъ свѣшомъ; въ галереяхъ сихъ расположены шторы въ разныхъ отдѣленіяхъ и видахъ. Здѣсь подъ одною кровлею, на площади 8 ш. квадратныхъ саженей, представляются взору образцы лучшихъ российскихъ и иностранныхъ произведеній.

Продавецъ општый имѣетъ покупщиковъ изъ разныхъ губерній и областей

(*) Въ послѣдніе годы, попечениемъ и трудами архимандрита Коренскаго монастыря отца Пантелеймона, сооружена превосходная лѣсница для схода къ источнику, находящемуся внутри храма. Она заслуживаетъ особаго вниманія по трудности построенія своего, на утесѣ крутої горы, и производить великолѣпное зрѣлище во время служенія въ нижней церкви, когда всѣ площадки и ступени ея заняты бывають тысячами молящихся, и потому справедливо можетъ быть названа предверіемъ того храма.

государства, и если онъ ограничиваешся умѣренными барышами, то распродажа шоваровъ его идешъ быстро. Мелочный промышленникъ, пріѣхавшій для закупки шоваровъ, имѣть всѣ средства запастись оными сообразно желанію и вкусу мѣстныхъ попребишелей, и такимъ образомъ, города окрестныхъ губерній снабжающіяся фабричными, мануфактурными и иными произведеніями. Дворянству представляються также всѣ средства для удовлетворенія домашнихъ нуждъ его и всѣхъ житейскихъ потребностей; равномѣрно и поселяне имѣють возможность съ выгодою сбывать свои продукты и лошадей небольшихъ своихъ заводовъ; такимъ образомъ посѣшили всѣхъ сословій бывають, большею-частію, довольны ярмаркою, въ особенности общему удовольствію способствующій пріятность мѣстоположенія и разныя увеселенія, которыми Коренная всегда славилась. Правда, что недостатокъ покойныхъ домовъ и размѣщенія соспавляль въ юной ярмаркѣ главнѣйшее неудобство. Для сего, въ прежнее время, помѣщики высыпали заблаговременно свой дворовый шашъ, разбивали у рощи, на возвышенномъ берегу Тускари, обширныя палатки и шатры, многіе привозили съ собою огромные оркестры музыки и капели пѣсенниковъ, и вечерами, въ благопріятные майскіе дни, дворянство, утомленное беспресаннымъ движениемъ и ярмарочною суетою, наслаждалось въ шашрахъ своихъ, въ кругу друзей и знакомыхъ, увеселеніями кочевой жизни.

Но по времени, съ успѣхомъ гражданскаго и нравственного просвѣщенія, образъ жизни сей чувствительно измѣнился: вмѣсто временныхъ полотняныхъ палатокъ, высроены рубленые и досчатые дома, въ коихъ семейное размѣщеніе несравненно удобнѣе и лучше обеспечено оপъ непріятныхъ воздушныхъ перемѣнъ. Огромныя музыки усаждають слухъ публики съ 12 часовъ дня и до вечера, въ самыхъ галереяхъ господина двора. Каждый вечеръ спектакль въ театре, а чрезъ день редушъ, гдѣ собирается вся лучшая публика и проводитъ время въ танцахъ; въ этому присовокупляются званые обѣды, лошадиные скачки, прутины волнижеровъ, странствующіе фокусники, панорамы, забринцы и проч.— Такимъ образомъ сосредоточеніе неизчислимыхъ предметовъ всѣхъ по потребностей человѣческихъ, и предметовъ роскоши и наслажденій душевныхъ, приближаетъ Коренную ярмарку однимъ изъ самыхъ веселыхъ и привлекательныхъ мѣстъ, и темъ чувствительно увеличивающіе число посѣшишель.

(Продолженіе впредъ)

3) Наблюденія по пчеловодству.

Нынѣшнею весною у меня оказалась значительная убыль пчелъ: изъ 27 пней въ десяти вымерли пчелы зимою, да въ двухъ извѣлись весною. Еще осенью,

при составлении пчель въ землянку, въ концѣ октября прошлаго 1837 года, я замѣтилъ у нѣкоторыхъ ульевъ на днахъ влажность. Сперва подумалъ я, что сопы оплещѣли; раскрываю ульи, у коихъ это оказалось, и нахожу, что сопы цѣлы, но изъ нихъ шелла вода. Причина этого для меня сперва была неизвѣстна. Замазавъ ульи, я оставилъ ихъ на зиму. Прошла зима: 6-го апреля я принялъ выставлять пчель. При выставкѣ оказалось 10 роевъ мерзлыхъ, 17 живыхъ. У мерзлыхъ, сопы рѣшительно промерзли и покрылись льдомъ; пчела умерла иная въ сопахъ, другая упала на дно улья. Обменявшись, я думалъ ее оживить; но при всемъ стараніи ни одной пчелы не удалось воскресить. У живыхъ роевъ тоже много сгибло пчель, и сопы снизу до половины улья промерзли; въ самый верхъ, гдѣ пчела скапалась въ кучу, ходъ не проникъ. Ошь этого многіе рои вышли на весну плохи. Сопы обмерзлые я всѣ вырѣзalъ, и началъ вообще всѣ рои кормить; не смотря на это пособие, еще два роя весною вымерли. Во время выставки сполни дни прелестные. Нельзя было безъ радости смотрѣть, какъ рада была пчела освобожденію ея отъ пягостного зимняго заключенія: она вышла изъ улья, жужжала, вилась по воздуху, и немедленно начала свою рабошу—чистить сопы и бока улья отъ плесени; подсвѣляемый медъ (*) брала съ жадносью: едва у-

пѣшь поспавиши его, она видѣлась на него быстро и въ короткое время уносила въ сопы. Это кормленіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока появился цвѣтъ въ лѣсу, садахъ и па поляхъ.

Надобно признаться, что въ октябрѣ, бывши оплечены дѣлами службы, я не успѣлъ хорошоенько приготовить для пчель землянку, и потому думалъ, что убыль пчель произошла у меня отъ этого нерадѣнія, что землянка была не совсѣмъ хороща. Увидѣвшись съ другими пчеловодами, я спрашивалъ ихъ: какъ пчелы у нихъ вышли на выставку? Всѣ жаловались на чрезвычайную убыль ихъ, и говорили, что причина гибели пчелы скрывалась въ качествѣ меда или во вредѣ меда, происшедшемъ, по ихъ словамъ, отъ какой-то помхи (*). Г. Боде, кажется, совершенно постигъ причину нынѣшней гибели пчелы, т. е. она гибла отъ поноса, который получила отъ дурнаго меда. Помехъ въ ульяхъ и на сопахъ былъ такъ великъ, что я никогда подобнаго не видывалъ. По выставкѣ, я поступилъ съ моими пчелами точно такоже, какъ и Г. Боде, т. е. выбралъ изъ ульевъ, только не всѣ, а большую часть заплесневѣвшихъ соповъ съ медомъ и снабдилъ пчелу медомъ

въ юль, когда погода стояла благоворная. Я берегъ его собственно на этотъ случай.

(*) Слово: помха, въ Саратов. губ., у простаго народа, весьма употребительно. Здесь этимъ словомъ называютъ засуху, вредоносныя росы и проч.

(*) Медь на кормъ пчелы я употреблялъ самый чистый и первой вырѣзки, сдѣланной мною

чисшымъ. Эшо средство имѣло на нее хорошее вліяніе.

Апрѣль былъ у насъ теплый, такъ что теплова иногда доходила до 20 градусовъ, сады цвѣли, на спели, на лугахъ и въ лѣсу показалось множесшво цвѣшу. Пчела очевидно поправилась; у нѣкошорыхъ ульевъ, въ первыхъ числахъ мая, показалась молодая пчела и шрушни. 6-го числа въ Сарашовѣ и въ окрестностяхъ его выпалъ врупный градъ: находили градины величиною съ гречкій орѣхъ. Онъ много повредилъ садамъ, обивъ цвѣшъ въ садахъ, а въ домахъ окна. Градъ шелъ и въ другихъ мѣстахъ. Слѣдствія его были довольно ощущимельны какъ для человѣка, такъ и для пчелы. Цвѣшу много погибло; пошомъ насали холода, опѣ кишорыхъ не шолько цвѣшъ, но даже и листъ на нѣкошорыхъ деревахъ убитъ. Впрочемъ, скоро опять погода успанилась прекрасная: пошло то ясно, что перепадали дождички, при шемперашурѣ опѣ 15 до 22 градусовъ. Пчела, по видимому, хорошо приголовилась къ роенію.

(З. Г.)

4.) Ловля сельдей близъ Керги.

Въ окрестностахъ Феодосіи и у Камышъ-Буруна (въ 12 верстахъ отъ Керчи) занимаются ловлею сельдей, которыя, по своей величинѣ и особенному роду, не только превосходить дунайскихъ, но очень рѣдко попадаются даже между голландскими. Въ числѣ ихъ находились такія, въ которыхъ каждая вѣсила полтора фунта. Пространная камышъ-бурунская бухта, по мелководію и песчаному грунту, къ которому наибо-

льѣ пристаютъ сельди, чрезвычайно удобна для ловли; она имѣетъ въ окружности болѣе двухъ верстъ, а глубиною не болѣе 10 футовъ. Ловля сельдей начинается тамъ въ то же время, какъ въ Феодосіи и въ разныхъ мѣстахъ южного берега Крыма, около 15-го октября, и продолжается до 15-го марта; въ другое время сельди попадаются очень рѣдко. Количество сельдей, ловимыхъ въ одинъ только Камышъ-Бурунѣ, простирается ежедневно до двухъ миллионъ штукъ. Въ Феодосіи бываетъ иногда такое ихъ множество, что женщины собираютъ ихъ руками на берегу моря, и уносатъ домой столько, сколько каждая въ состояніи съ собою взять. Ловля сельдей въ Камышъ-Бурунѣ, по показанию тамошнихъ старожиловъ, бываетъ такъ изобилна, что за тысячу штукъ платится по 8 и даже по 6 рублей. Обыкновенно же свѣжая сельдь продается отъ 8 до 30 рублей, а соленая отъ 12 до 40 рублей за тысячу, смотря по качеству и изобилію лова.

Сельдяной промыселъ много терпитъ отъ неизнанія лучшихъ способовъ соленія. По распоряженію Правительства, въ 1853 году, выписанъ изъ Голландіи опытный мастеръ, Николай Вей, которому было поручено осмотрѣть качество черноморскихъ сельдей, мѣстный способъ соленія, и показать промышленникамъ лучшее средство приготовленія. Вей нашелъ, что черноморскія сельди ни въ чёмъ не уступаютъ голландскимъ; но способъ соленія, употребляемый крымскими промышленниками, никакуда негодится. Вей, осмотрѣвши различныя соли въ Бессарабіи въ Крыму, нашелъ, что онъ не всѣ годятся для соленія сельдей; самая лучшая добывается, по его извѣнію, изъ Чокранскаго озера, подъ Керчи. Овъ посолилъ черноморскія сельди по голландскому способу, и онъ оказалась отличнаго качества. Приготовленная имъ сельдь, вмѣстѣ съ купленною посудою и солью, обошлась по 40 рублей за тысячу, слѣдовательно по 4 копѣеки за штуку. При дальнѣйшемъ развитіи сельдяного промысла, Крымъ вступить въ соперничество съ Голландіею, и победа вѣроятно останется за Червымъ моремъ.

(С. П.)